

*Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?*

.....
*Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки, и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О император, я верный твой раб.*

Н. Гумилев. Императору. 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Луна восходит на небо, когда мир вокруг погружается во тьму. И чем ярче ее свет, тем непрогляднее мгла внизу. Но бывает, что и само ночное светило скрывают тучи, и тогда землю покрывает *совершенный* мрак...

Его называли «королем-луной», словно в противовес его кумиру Людовику XIV, «королю-солнце». И это закономерно: эпоха Людовика XIV — расцвет абсолютизма, время Людвига II Баварского — даже не закат, не «сумерки богов», а уже «ночь европейской монархии». Французский король был тем недостижимым идеалом, к которому Людвиг стремился всю жизнь, — Луна, отчаянно нуждающаяся в Солнце. И чем с большей настойчивостью и страстью он старался приблизиться к цели, тем сильнее отдалялся от нее.

Известно, что Луна светит не собственным, а отраженным светом. Так же и король — последний отблеск ушедших эпох, средневековой рыцарской романтики, экзотической роскоши Востока, чистых идеалов, которым уже давным-давно нет места на Земле.

Сколько таких *чужих* «световых спектров» пропустил через себя и заставил засиять заново, постарался *воскресить* Людвиг II! Вот только холодный эгоистичный свет спутника Земли не способен дарить жизнь. Попытки так и остались бесплодными.

И когда он понял это, он отринул *День* с его условностями, необходимостью притворяться, носить маску, играть какую-то определенную роль. Как и положено Луне, он полюбил *Ночь* — правдивую и всепримиряющую, лишенную мелочного мельтешения интриганов и карьеристов, желающих втереться в доверие к монарху. Словно герои обожаемого им Вагнера — Тристан и Изольда — Людвиг II мог сказать про самого себя:

Кто познал, любя,
смертную Ночь,
кто посвящен был
в тайну ее,
тот Дня соблазны, —
славу, честь,
силу и власть, —
весь мир сует
отвергнет не жалея,
как прах земли ничтожный!
Тот среди земных стремлений
грезой одной жить будет:
он будет звать святую Ночь,
где чистый огонь Любви
правдой вечной горит*...

Тристан и Изольда жаждут вечного *единения друг с другом*. Людвиг II искал *единения с самим собой*, обретения душевной гармонии, которой ему, так же как и конечной цели в погоне за идеалами, не удалось достичь.

Он потерпел поражение на трех основных фронтах своей жизни: в Вере, Милосердии и Искусстве. В свой безбожный век, когда религия окончательно стала лишь инструментом политической борьбы, а для большинства населения, балансирующего между слепым фанатизмом и циничным нигилизмом, — пустым исполнением не затрагивающих сердце обрядов, он всем сердцем искренне верил в Бога. В то время как милитаризм набирал обороты, он ненавидел войну, не приемля вообще никакое кровопролитие, в том числе и охоту, считая ее делом, недостойным человека. Искусство — причем именно с большой буквы (будучи идеалистом, Людвиг воспринимал его только в союзе с религией, в качестве такого же воспитателя и спасителя человеческих душ) — было для него воплощением правды в противовес лживому «театру жизни» и лживому «искусству», призванному лишь развлекать пресыщенную публику.

В итоге он был объявлен и остался в памяти потомков как жестокий самодур — «баварская Салтычиха», выкалывающая глаза своим слугам (да, о нем писали и такое!), — извращенец и моральный урод, лишенный принципов, а также бездарный нувориш без художественного вкуса и чувства прекрасного. А проще — *безумец!* (Видимо, в те времена тьма всё-таки еще не окончательно сгустилась над

* Либретто оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда». Перевод В. П. Коломийцова.

человечеством. Ирония истории: ныне моральный урод с огромными деньгами — «идеал для молодежи», подлинный «герой» нашего времени...)

Людвиг II Баварский... В большинстве исторических трудов его прямо называют «безумным королем», даже не пытаясь вникнуть в причины его душевного недуга, если таковой и был на самом деле. Если король был безумен, тогда что толкнуло его в эту бездну: наследственная предрасположенность, тяжелый душевный надлом, который ему не удалось пережить? А может быть, злая чужая воля, клевета, оказавшаяся настолько живучей, что даже спустя более 130 лет со дня трагической смерти Людвиг в его «деле» так и не поставлена точка?

«Я хочу оставаться вечной загадкой для себя и для других», — как-то сказал Людвиг II своей гувернантке, перефразируя любимого им Шиллера*. И ему это в полной мере удалось. Он — человек-тайна, человек-загадка. Доступные исследователям материалы — кстати, весьма противоречивые и неоднозначные — могут лишь немного приоткрыть тщательно задрапированную занавесом сцену, на которой разыгрывалась драма его жизни, но всей правды мы по-прежнему так и не узнаем, а можем лишь почувствовать ее и сделать собственные выводы.

Но ведь это так захватывающе! Тайна притягательна всегда. Интерес к личности Людвиг II наглядно демонстрирует количество литературных произведений, появившихся спустя всего лишь четверть века со дня его трагической кончины. Их обзор дает наша соотечественница В. Александрова: «Катюль Мендес изобразил его в романе “Король-девственник”, Густав Кан осмеял в “Короле-безумце”. Бодлер окружил его мученическим ореолом. Итальянский поэт д’Аннунцио говорит о нем в “Девах скал”, Бьёрнсона долго искушала мысль использовать жизнь Людвиг как сюжет для драмы. На книжном рынке Европы появляются всё новые и новые книги, авторы которых пытаются осветить его личность — каждый по-своему. В начале нынешнего (1911—го. — М. З.) года во Франции напечатано сочинение под названием “Романтическое путешествие к Людвигу II”, в Норвегии Клара Тшуди (Чуди. — М. З.) выпустила обстоятельную биографию баварского короля**. За-

* «Загадкой вечной буду я себе...» (Мессинская невеста. 1803 г.).

** Упомянутая в цитате биография (*Tschudi C. König Ludwig II von Bayern. Leipzig, 1910*) действительно заслуживает внимания.

тем в Германии Штильгебаур написал роман “Пурпур”, в центре которого стоит фигура Людвига II. И тем не менее жизнь этого красивого, временами просто обаятельного человека представляется до сих пор загадочной во многих отношениях»¹. Этот, далеко не полный список произведений, посвященных баварскому королю, приведен здесь не случайно. Действительно, количество художественных трудов, от поэм до романов, впечатляет. Искусство и литература создавали портрет Людвига II гораздо активнее, чем обстоятельные научные биографии.

Еще одна весьма своеобразная попытка «разобраться» с загадкой таинственного баварца была предпринята в 1972 году опять же не историком, а деятелем искусства — великим итальянским режиссером Лукино Висконти. Его фильм «Людвиг» — это если не оправдание короля, то по крайней мере наглядная картина трагедии его личности, желание силой кинематографа заставить сопереживать ему, а не просто огульно осуждать поступки человека, якобы ввергнутого в бездну безумия. (Справедливости ради отметим, что образ Людвига II, созданный на экране великолепным актером Хельмутом Бергером, не всегда правдив с исторической точки зрения; впрочем, искусству это простительно.) О герое своего фильма сам Висконти писал: «Людвиг — это величайшее поражение. Я люблю рассказывать истории поражений, описывать одинокие души, судьбы, разрушенные реальностью»².

«Судьба, разрушенная реальностью» — это, пожалуй, самый точный диагноз, который можно поставить несчастному «лунному монарху». Недаром Луна — символ одиночества, последний призрачный свет надежды для тех, кого предали, не поняли, отвергли, которым больно жить при свете Солнца.

Луна таинственна. И мы действительно вынуждены признать, что при общем обилии документов той эпохи явно недостаточно достоверных сведений о многих моментах жизни и особенно смерти баварского короля, чему способствовало еще и то обстоятельство, что сразу после его трагической кончины материалы «дела Людвига II» были тщательно засекречены. «Только лица из мира официального, так или иначе близкие ко двору или к самому Людвигу, могли дать публике интересные материалы из жизни несчастного короля. Но лица эти не позволили себе полной откровенности и неизбежно лавировали между необходимостью считаться, с одной стороны, с саном Людвига, а с

другой — с косвенными виновниками его смерти, новым баварским правительством. Архивы, хранящие дневники Людвига, разные бумаги и приказы его закрыты для посторонних, а письма Вагнеру были правительством баварским после смерти последнего под вежливым предлогом отобраны у родственников, и лишь небольшая часть их попала в печать»³, — пишет цитированная выше В. Н. Александрова. Это свидетельство практически современницы короля.

Но последнее утверждение нуждается в серьезном уточнении. Конечно, большинство исторических документов, относящихся к царствованию Людвигу II, хранится в закрытом частном архиве Дома Виттельсбахов в Мюнхене (III отдел Баварского Главного государственного архива)⁴. Доступ в него может быть получен — причем далеко не ко всем материалам! — лишь с личного разрешения главы Дома.

Но к счастью исследователей, довольно значительная часть материалов всё же доступна и в свое время даже попала в печать. В первую очередь хочется особо отметить труд доктора философии и архивариуса Отто Штробеля* (1895—1953), многие годы работавшего в вагнеровском архиве в вилле «Ванфрид» в Байройте, а затем собравшего и выпустившего в свет четырехтомник «Король Людвиг II и Рихард Вагнер»⁵, на основе их переписки представляющий исчерпывающую картину взаимоотношений короля и композитора: с самого первого официального письма Вагнера Людвигу II от 3 мая 1864 года и до его последнего послания королю, написанного 10 января 1883 года. Это издание можно смело назвать «библией людвиговедения» (да и «вагнероведения»), значение которой в понимании обеих выдающихся личностей трудно переоценить.

Необходимо упомянуть также очень важное для создания объективного портрета Людвигу II издание избранных писем короля и Козимы Вагнер**⁶.

* Штробель и его жена Лизелотта (1918—2003) похоронены на кладбище в Байройте рядом с могилами членов семьи Вагнер; его заслуги перед семьей композитора действительно огромны.

** *Козима Франческа Гаэтана де Флавины* (1837—1930) — внебрачная дочь композитора Ференца Листа и графини Марии д'Агу. В 1857 году вышла замуж за дирижера Ганса фон Бюлова, в 1870-м после развода стала женой Рихарда Вагнера. После смерти Вагнера Козима более двадцати лет руководила организацией Байройтских фестивалей.

Нельзя обойти вниманием и примеры прямо противоположные, когда за достоверные исторические документы, связанные с Людвигом II, выдавались грубые и недостойные подделки. Мы вынуждены остановиться на этом лишь для того, чтобы заинтересованный читатель не попадал в силки лжи, которых и так предостаточно вокруг личности баварского монарха.

Одной из первых фальшивок стала книга Оскара Дёринга «Дневник короля Людвига II», вышедшая в Мюнхене в 1918 году и переизданная в Лейпциге в 1921-м⁷. И всё же этот псевдодневник не наделал столько шума, как опубликованное в 1925 году в Лихтенштейне «сенсационное» издание Эдира Грайна, долгое время считающееся подлинным: «Дневники Людвига II, короля Баварии»⁸. Под псевдонимом Эдир Грайн скрывался Эрвин Ридингер (Riedinger; 1870—1936), пасынок Иоганна фон Лутца*, одного из главных вдохновителей заговора против Людвига II. Одного данного обстоятельства уже достаточно, чтобы заподозрить «публикатора» в явной заинтересованности и необъективности.

С этим изданием вышла, пожалуй, наиболее темная и запутанная история. Людвиг II действительно вел дневниковые записи с различной степенью интенсивности с 13 июня 1858 года по 7 июня 1886-го. В то время во всей Европе вообще было традицией — если не сказать обязанностью — лиц, обладающих монаршей властью, вести дневник. В целом дневниковые записи Людвига составили девять томов, семь из которых (с июня 1858-го до ноября 1869 года) хранятся в упомянутом выше архиве Виттельсбахов. А вот два последних тома — за период с ноября 1869 года по июнь 1886-го — сначала находились в руках комиссии, созданной для признания короля недееспособным, а затем попали в частное владение как раз Иоганна фон Лутца, а после его смерти стали собственностью кронпринца Рупрехта Баварского (1869—1955), внука принца-регента Луитпольда. После революции 1918 года последний, девятый том дневников был уничтожен по распоряжению кронпринца. (Кстати, сразу возникает вопрос, зачем. Если учесть, что как раз последний том содержал описание событий, непосредственно предшествовавших объявлению регентства, а

* В 1887 году Иоганн фон Лутц женился третьим браком на Маргарете Ридингер, урожденной Фрецшер (Fretzcher; 1845—1924), и стал отчимом Эрвину — ее сыну от предыдущего брака.

также родство Рупрехта с Луитпольдом, то вывод напрашивается сам собой.) В июле 1936 года уцелевшие документы были вновь собраны вместе в архиве Виттельсбахов в Мюнхене. Однако в 1944 году в результате бомбардировки часть дневников Людвига II погибла при пожаре⁹.

Издание Эдира Грайна представляет собой отрывки из двух последних томов. С одной стороны, это логично, если учесть, что именно эти тома находились в частном владении Лутца. Вот только к 1925 году, к моменту публикации Грайна, девятый том был уже уничтожен, а восьмой находился в архиве кронпринца Рупрехта. Эдир Грайн (вернее было бы называть его всё-таки Эрвин Ридингер) в 1924 году, разбирая бумаги после смерти своей матери, обнаружил оставшиеся от приемного отца дневниковые записи короля. Вполне возможно, что Лутц некоторые фрагменты дневника действительно изъял для каких-то своих нужд, и они, не попав к кронпринцу Рупрехту, так и продолжали храниться в поместье Лутца. Якобы именно их и опубликовал Эрвин Ридингер.

Не подлежит сомнению факт, что своей публикацией Ридингер стремился даже через четыре десятилетия после смерти Людвига II морально оправдать лишение короля власти и обелить имя своего приемного отца. Именно поэтому это издание — *главная улика*, «доказывающая» и гомосексуальные наклонности Людвига II, и его опасное безумие. Если эти «Дневники» подлинны, то и сомневаться более не в чем. Однако...

В связи с рассматриваемой проблемой нельзя не указать на выдающееся исследование историка Франца Мерты «Дневники короля Людвига II Баварского: Традиция, индивидуальная особенность и фальсификация»¹⁰. Мерта провел скрупулезную научную работу на основе документов, подлинность которых неоспорима, в первую очередь сохранившихся писем Людвига II различным адресатам. Его труд — *это точная текстологическая экспертиза* с учетом особенности эпистолярного стиля короля, ставящая окончательную точку в вопросе «исторической подлинности» «исповедальных дневниковых откровений» несчастного монарха. Авторитетный историк и архивист Бернхард фон Цех-Клебер (Zech-Kleber) назвал исследование Мерты наиболее фундаментальным и основополагающим в области изучения приписываемых Людовику II «Дневников»¹¹.

Во-первых, согласно выводам Мерты, опубликованный материал составляет лишь восемь процентов содержания

предпоследнего восьмого тома и многим меньше одного процента общего объема дневниковых записей короля¹². Делать какие-либо далекоидущие выводы, основываясь на таком ничтожно малом материале, мягко говоря, рискованно. Во-вторых, Мерта на многочисленных примерах сравнительного текстологического анализа убедительно доказал, что «публикатор» во многих местах сильно искажил смысл текста. С одной стороны, это могло произойти из-за того, что Ридингер просто не смог адекватно прочесть рукопись (затейливый почерк Людвига II весьма труден для расшифровки). С другой стороны, образный, богатый метафорами язык короля с его бесконечными аллюзиями на вагнеровских и шиллеровских героев, обильными цитатами из средневековой поэзии миннезингеров* и нарочито зашифрованными фразами, понятными лишь посвященным, никак не мог трактоваться однозначно и в привычных обычным людям смыслах. Отсюда полное непонимание и ложные, порой абсурдные комментарии «публикатора». (К вопросу об эпистольном стиле короля мы еще будем возвращаться.) Но если непонимание еще можно было бы простить, то намеренное тенденциозное манипулирование текстом в своих интересах — сознательное искажение, подтасовку, педалирование «безумия в пурпуре» — простить уже никак нельзя.

Окончательный вывод один: «Дневники» Эдира Грайна — злобная карикатура на оригинал, не имеющая другой цели, кроме как максимально очернить Людвига II.

Этим подделкам может составить достойную конкуренцию, пожалуй, только наш отечественный продукт — «Дневник А. А. Вырубовой», напечатанный в 1927—1928 годах в журнале «Минувшие дни». В своей книге «Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке», вышедшей в 2001 году, тогдашний руководитель Федеральной архивной службы России член-корреспондент Российской академии наук В. П. Козлов пишет: «Не так легко найти на протяжении всего XX столетия подделку русского письменного исторического источника, столь значительную по объему и со столь масштабным использованием *подлинных истори-*

* Миннезингер (нем. Minnesinger — букв. поэт любви) — в XII—XIV веках в германских землях поэт-певец, исполнитель произведений рыцарской лирики. Расцвет миннезанга приходится на XII—XIII столетия, когда творили Райнмар фон Хагенау, Вольфрам фон Эшенбах, Вальтер фон дер Фогельвейде.

ческих источников (курсив наш; именно широкое использование исторических источников, создающих иллюзию подлинности, и делает профессионально сфабрикованные фальшивки столь живучими и труднопроверяемыми. — М. З.), как “Дневник” Анны Александровны Вырубовой, фрейлины последней российской императрицы Александры Федоровны. Не менее знаменательно и то обстоятельство, что, разоблаченный как откровенный подлог почти сразу же после опубликования, “дневник” тем не менее имел пусть кратковременный, но шумный успех¹³.

Эти слова с полным правом можно отнести и к «Дневникам» Людвига, о которых и упоминать бы не стоило, если бы не одно обстоятельство: эти «документы», в отличие от того же «Дневника Вырубовой», имевшего лишь «кратковременный успех», до сих пор (!) рассматриваются некоторыми не особо компетентными «исследователями» в качестве первоисточника, доказывающего безумие и аморальный облик короля. А между тем и у «Дневника Вырубовой», и у «Дневников» Людвига была, повторяем, вполне конкретная задача: манипулируя сознанием читателей, *максимально очернить и оклеветать членов свергнутой монаршей династии*. Общеизвестно, что запачкать гораздо проще, чем отмыть. И как же обидно бывает, когда легкие умы принимают клевету за чистую монету и распространяют ее. Анне Александровне Вырубовой повезло больше, чем Людвигу II. Обилие доступных материалов, связанных с царской семьей, и имеющаяся у историков возможность работать с соответствующими архивными фондами позволяют заинтересованным лицам легко отделить зерна от плевел. Что же касается упомянутого выше архива Дома Виттельсбахов, хранящего не только личные письма Людвига II, но и многие официальные документы, то он и сегодня практически закрыт для исследователей.

С одной стороны, официальная версия объясняет это просто: неблагоприятные эпизоды биографии царственной особы не подлежат широкой огласке. Но с другой стороны, сам факт сокрытия от общественности ряда важнейших документов наводит на «крамольную» мысль: видимо, есть что скрывать. Значит, узурпация власти всё же имела место и предки нынешних Виттельсбахов происходят по прямой линии как раз от узурпатора. Неужели с целью сокрытия, а вернее оправдания этого преступления распространялись грязные клеветнические сплетни и кропались фальшивки, лживость которых так трудно доказать, не имея на руках

должного количества подлинных документов? Право, уж лучше было бы Виттельсбахам, чтобы снять с себя подобные обвинения, предать гласности пресловутые «неблаговидные эпизоды биографии» (так и хочется спросить: какие же еще более неблагоприятные, после всей той грязи, коя потоками безнаказанно лилась в адрес Людвига II?) и тем самым оправдаться самим. Однако этого не происходит. Почему? Очередной вопрос вновь остается без ответа.

Под гриф секретности попали даже материалы исследования гибели Людвига II. Правда, некоторая часть их увидела свет в двухтомном издании каталога и пояснительных очерков к выставке «Сумерки богов»¹⁴, подготовленной в 2011 году к 125-летию со дня смерти последнего короля-романтика.

Само название двухтомника отсылает нас к роковой личности в жизни Людвига II — Рихарду Вагнеру. В настоящем труде нам придется довольно долго останавливаться на вопросе их взаимоотношений. Венценосные особы априори лишены такого счастья, доступного простым смертным, как дружба. Людвигу выпало это исключительное счастье: он смог найти человека, которого называл другом. Правда, и этой поддержки Людвиг вскоре был лишен и оставлен в полной изоляции. На этом фоне сразу становится совершенно очевидно, что именно разрыв — вернее, отлучение Вагнера от короля — стал той роковой точкой отсчета, после которой Людвиг окончательно порвал с окружающим миром, так и не сумев его перестроить согласно своим идеалам. Раз мир такой несовершенный, что он не принял Вагнера, то и Людвигу в нем больше делать нечего. Парцифаль* не смог сохранить свой Грааль; Лоэнгрину** пришлось покинуть этот мир — лейтмотив вагнеровской музыкальной драмы, лейтмотив жизни Людвига II! Ему казалось, что именно он не сумел «сохранить» и «защитить» Вагнера. А значит, непонятый и отвергнутый подданными

* Мы будем употреблять два варианта написания этого имени: «Парцифаль», когда речь будет идти непосредственно о герое романа немецкого средневекового поэта Вольфрама фон Эшенбаха, а также о дружеском прозвище короля Людвига II, и «Парсифаль», говоря исключительно об опере Рихарда Вагнера, тем более что эта фонетическая форма была предложена и обоснована именно им.

** *Парцифаль* и *Лоэнгрин* — герои немецких сказаний о короле Артуре и рыцарях Святого Грааля. Лоэнгрин (Лоэрангрин), сын Парцифалья, впервые упоминается в поэме Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (1210).

король отныне будет в одиночестве служить великому Искусству, словно Парцифаль и Лоэнгрин — Чаше Грааля. А, как известно, «рыцарей без страха и упрека» со времен Дон Кихота общество признавало сумасшедшими...

Сначала король возненавидел Мюнхен и даже хотел перенести столицу Баварии в Нюрнберг. Но очень скоро он понял, что это не выход. Чтобы обрести душевный покой, нужно построить себе убежище (а может, и не одно) вдали от любых столиц и скрыться в нем. Что это — развитие душевной болезни или трагедия личности — той личности, в которой, перефразируя Фридриха Ницше, *слишком человеческое начало* возобладало над *слишком королевским*?

На самом деле это было начало *ухода в Ночь...*

Духовное одиночество приводит к одиночеству физическому. Людвиг не создал семьи, замкнулся в себе; его всё более тяготило общество, которое его не понимало (и, соответственно, отвергало); он стал самодостаточным. Только наедине с собой он был способен ощутить душевный комфорт. Любое вмешательство в его личную жизнь воспринималось им как посягательство на его монаршую власть, которая, как это ни парадоксально, являлась первой и главной причиной развивавшегося душевного надлома.

Казалось бы, бремя монаршей власти должно было оказаться для Людвигу непреодолимой преградой, не позволявшей ему уйти от действительности, но на самом деле подтолкнуло его к этому уходу. С одной стороны, статус как бы ставил короля над законом и критикой, утверждал его непогрешимость перед подданными. Правление Людвигу, как мы уже отмечали, пришлось на самый закат эпохи «классической» монархии. Кто бы посмел возразить своему государю? Оставалось лишь благоговейно подчиняться, иначе можно было лишиться головы по обвинению в бунте. С другой стороны, эта же «вседозволенность» возлагает на монарха огромную ответственность и связывает цепями условностей дворцового этикета и международной политики. Публичная личность, а монарх особенно, всегда лишается права на неприкосновенность личной жизни. Правило «что можно Юпитеру, того нельзя быку» начинает работать в обратном направлении: что позволительно простому смертному, совершенно не дозволено монарху. Таким образом, та свобода личности, к которой так стремился Людвиг, была для него совершенно недостижима именно вследствие того, что он был королем, а потому в этом плане

оказывался гораздо менее свободным, чем самый последний из его подданных.

Но этот непреложный закон «несвободы монарха» в отношении Людвига II как раз и не работает! Он поставил себя *над* законом: монаршее служение государству он понимал как служение государства самому монарху. Именно царственное положение дало ему возможность воплотить в реальном *материальном мире* фантазии и грезы, наполнявшие его *внутренний мир*.

Многим из нас свойственно прятаться от окружающей действительности, которая часто бывает жестока и несправедлива, в мир, созданный воображением. Уход в такой мир — будем называть его виртуальным — является для любого человека своеобразным щитом, защитной реакцией, помогающей справиться с неизбежными неприятностями, подстерегающими в реальности. Виртуальный мир так же индивидуален и неповторим, как и человеческая личность. Мало кого мы пускаем в этот мир, он принадлежит только нам, в нем властвуем только мы, в нем воплощаются любые, самые смелые наши фантазии, и он не доступен никому из посторонних — если, конечно, мы не писатели, не художники, не актеры, не музыканты. При этом необходимо помнить, что любая творческая личность выносит на суд публики лишь часть своего виртуального мира, к тому же сильно измененную — так сказать, переработанную и интерпретированную.

Именно благодаря последнему обстоятельству — недоступности для окружающих нашего внутреннего мира — большинство из нас и считаются «нормальными» людьми. А вот если бы кто-то смог проникнуть в наше подсознание... Наше счастье в том, что мы не только не хотим, но и не можем, даже при желании, перенести собственный виртуальный мир в мир материальный. Когда же редким индивидуумам такое удавалось, их тут же безоговорочно объявляли сумасшедшими. Вспомним известный фильм Марка Захарова «Формула любви»: «Барин наш бывший заставлял всех мужиков латынь изучать; желаю, говорит, думать, будто я в Древнем Риме». Вот классический пример попытки переноса виртуального мира в реальность.

А король благодаря власти и исключительному материальному положению имел большие возможности воплощать свои мечты. Причем не только имел, но и воспользовался этими возможностями. Королю, как никому другому, была необходима психологическая разрядка — более нерв-

ной работы, чем у монарха, представить себе трудно. Кроме того, управление страной с некоторых пор дисгармонировало с внутренним миром Людвига. Он всячески стремился вернуть себе абсолютную «средневековую» власть, но лишь для того, чтобы никому не давать отчета в своих действиях. Он четко разделял свои интересы и интересы государства; более того, эти понятия для него вообще вступали в противоречие друг с другом. Ах, если бы он только сумел либо примирить в себе эти противоречия, либо полностью подчинить собственные желания благу страны! Увы, к такому монаршему подвигу Людвиг был неспособен — он, как мы уже отмечали, подчинил интересы страны собственным интересам.

Но по-другому и быть не могло: он уже жил в своем виртуальном *лунном* мире и пытался заставить окружающих жить в нем. Если простой человек вдруг во всеуслышание объявляет себя Наполеоном и начинает вести себя в соответствии со своими фантазиями, его помещают в психиатрическую клинику. Но если он, в душе считая себя Наполеоном, никому об этом не говорит, откликается на свое обычное имя, спокойно работает, а волю фантазиям дает, лишь оставаясь в одиночестве, его никто даже и не заподозрит в каких-либо психических отклонениях. Людвиг же «объявил себя Наполеоном» в масштабах целого государства.

При таком положении вещей его царствование не могло не закончиться трагически: король был признан недееспособным и душевнобольным, а регентом стал принц Луитпольд, его дядя, младший брат отца.

Конечно, необходимо учитывать, что к печальному финалу Людвига привел целый ряд объективных предпосылок. Его окружала абсолютно чуждая ему, если не сказать враждебная, среда. Он — средневековый рыцарь в царстве циничной корысти; тонко чувствующий романтик в сетях приземленного материализма; абсолютный монарх Средневековья на троне маленькой Баварии второй половины XIX века. Людвиг II Баварский — не только самая загадочная, но, пожалуй, и самая трагическая фигура столетия!

Людам свойственно недолюбливать власть, так сказать, в реальном времени. При этом в «неблагодарной» памяти потомков прочнее всего остаются как раз те правители, во времена которых случались различные войны, перевороты, массовые казни и т. д. Из всех коронованных властителей в российской истории обыватель в первую очередь

назовет Ивана Грозного (комментарии излишни), Петра I («зубы, мол, лично драл у подданных, в Голландию ездил почем зря и бороды боярам рубил; ах да, еще Петербург на костях построил») и Екатерину II (опять же, заметьте, не за ее реальные заслуги перед Отечеством, а в связи с пресловутыми любовниками). И почти никто, к примеру, даже и не вспомнит — и это, несмотря на Русско-шведскую и Семилетнюю войны! — двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны, при которой не было казнено ни одного человека!

Есть, правда, еще один способ прочно остаться в исторической памяти: как только человек, облеченный властью, ее лишается — тем более при каких-нибудь трагических обстоятельствах, — его начинают активно жалеть, прощая и забывая всё то, что еще совсем недавно поднимало бурю негодования и недовольства. Умри Людвиг II в своей постели, оставаясь королем, — и никакие построенные им замки не были бы способны вызвать ни всеобщей народной любви, подогреваемой поисками таинственных, скрывшихся от справедливого возмездия заговорщиков, ни романтического флера невинно пострадавшего мессии, «распятого» неблагоприятной циничной толпой.

Итак, истории не интересны благополучие и спокойствие; потрясения и трагедии — вот пища для ума, творчества и памяти людской.

Безумие монарха тоже является верным козырем для «вхождения в историю». Но был ли Людвиг II в прямом смысле слова психически больным человеком? На этот вопрос однозначного ответа нет. Историки и психиатры расходятся в диагнозах — от маниакально-депрессивного психоза (чередование фаз возбуждения и депрессии, что в той или иной степени наблюдалось у Людвиге) и паранойи (кстати, королю однозначно поставили именно этот диагноз) до так называемого пограничного состояния, другими словами — сильного невроза, безусловно присутствовавшего у короля, или психопатии — то есть индивидуальных, не вполне обычных, особенностей характера, которые ни в коем случае *не являются психическим заболеванием*.

Нам кажется, что последнее определение — пограничное состояние — наиболее верно характеризует реальное положение вещей. Был ли король экстравагантным? Да. Безумным? Нет!

Что же касается пресловутых «архитектурных чудачеств» Людвиге II, то Бавария обязана ему тремя новыми

дворцами — в полном смысле слова шедеврами зодческого искусства. Это наиболее известный величественный Нойшванштайн (Neuschwanstein), построенный в горах над пропастью на высоте 1008 метров; очаровательный уютный Линдерхоф (Linderhof) в горах недалеко от австрийской границы; наконец, «баварский Версаль» Херренкимзее (Herrenchiemsee) на острове Херренинзель (Herreninsel) на озере Кимзее (Chiemsee). Каждый из них — воплощение одного из главных идеалов своего создателя, и все они — самые яркие спектры в калейдоскопе «отраженного» света его личности: Нойшванштайн стал символом средневековой рыцарской романтики, Линдерхоф — памятником Людовику XIV и Рихарду Вагнеру, двум кумирам Людвига II, а Херренкимзее — олицетворением абсолютной королевской власти.

Замки Людвига II, посещаемые в год миллионами туристов, приносят в бюджет Баварии наиболее стабильный доход по сравнению с другими финансовыми притоками. Благодаря своему королю Бавария теперь могла бы безбедно существовать, имея лишь туристический бизнес. Можно сказать, что Людвиг, вопреки всем обвинениям, не разорял казну своей страны, а инвестировал капитал в будущее, благодаря чему казна не только давно вернула долги короля, но и получает колоссальные проценты от этих инвестиций. Жаль только, что оценить по достоинству эту грандиозную «финансовую операцию» могут лишь далекие потомки, а современники не хотели терпеть лишения во имя «светлого будущего».

Правда, если уж быть честными до конца, следует признать: если бы Людовику II приснилось, что по его покоем будут ходить миллионные толпы любопытствующих «простолудинов», это был бы, наверное, самый ужасный его кошмар. Ирония судьбы...

Сказать, что современные баварцы боготворят своего короля, относятся к нему как к национальной святыне, — не сказать ничего. Достаточно упомянуть, что до сих пор ежегодно в день смерти Людвига на Штарнбергском озере устраивается торжественная поминальная служба, в которой принимает участие огромное количество не только баварцев, но и туристов. В Баварии действуют общества памяти и клубы Людвига II. А уж количество сувениров — от алебастровых бюстов и фарфоровых тарелок до футболок, зонтиков и открыток с портретом короля — просто не поддается исчислению! В «Баварии хмельной» существует даже

пиво «König Ludwig», пользующееся неизменной популярностью не столько за вкусовые качества (справедливости ради, весьма неплохие), сколько из весьма своеобразного уважения к памяти несчастного монарха.

И всё-таки во всём этом присутствует элемент театральности, шутовства, китча, кривого зеркала «трагедии наоборот», *лживости Дня*, о которой мы говорили выше. По-прежнему гиды будут твердить про «безумного короля-самодура», а в конце экскурсии туристы приобретут магнитик на холодильник с его портретом...

Нет, не такую «сувенирную» память заслужил Людвиг II, «король-луна», который не бежал от своей судьбы, до последнего боролся с ветряными мельницами, как другой известный «сумасшедший» Дон Кихот, и так же проиграл. Но проиграл достойно, одержав победу в главном: никто не упрекнет его в том, что он хоть раз изменил своим идеалам. А может, это как раз само время Людвига — антимантический XIX век — было безумным, отвергнувшим всё светлое и идеальное, что пытался вернуть из рыцарского прошлого Людвиг II? Кстати, результат нигилизма XIX века во всей полноте ощутили на себе люди следующего столетия с его кровавыми войнами, массовым варварским уничтожением населения, разгулом преступности и разврата, ныне продолжающимися на новом витке.

Многого мы еще не знаем о последнем короле-романтике, оставшемся для потомков, как он и хотел, «вечной загадкой». Как сказал Артур Шопенгауэр, «у гения и безумца общее то, что и тот и другой живет в своем собственном мире и оторван от мира реального». Был ли король безумцем — или гением? Однажды, в конце 1870 года, в начале дружбы с Рихардом Вагнером Фридрих Ницше подарил композитору офорт Альбрехта Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол», о котором написал в комментарии к своей работе «Рождение трагедии»: «Ум, чувствующий себя безнадежно одиноким, не найдет себе лучшего символа, чем “Рыцарь” Дюрера, который в сопровождении своей лошади и собаки следует по пути ужаса, не думая о своих страшных спутниках, не озаренный никакой надеждой». Можно добавить: зато озаренный луной. Эти слова в полной мере можно отнести к личности Людвига II, Лунного короля-рыцаря, безнадежно одинокого, но до сих пор дарящего *свет*, пусть и отраженный, но разрушающий мглу.

Что ж, может, когда-нибудь вся правда о нем и откроется. О ней и так знают стены прекрасных сказочных замков,

величественные лебеди и воды Штарнбергского озера, в котором он нашел свою смерть.

В баварском народе до сих пор живет легенда, что зимними ночами в горах слышится громкий топот лошадей и в вихре бешеной скачки по снежным сугробам проносятся сани-лебеди, в которых сидит призрак красавца-короля, которого народ не сумел защитить от его врагов. Луна в горах такая огромная и близкая...

Вот только ночь духовной слепоты человечества что-то затянулась.

* * *

Хочется выразить особую признательность украинскому историку и писателю Татьяне Кухаренко. Благодаря ее титаническим — без всякого преувеличения — усилиям открыты многие неизвестные страницы жизни баварского короля. Во многом и наш труд вдохновлен именно ею, так как, наряду с результатами наших собственных исследований, новые документы, любезно предоставленные ею в наше распоряжение, позволили не только уточнить некоторые детали, но и пересмотреть ряд выводов, которые были сделаны в предыдущих работах, посвященных Людвигу II¹⁵. Татьяну мы искренне считаем своим соавтором и обращаем особое внимание читателя, что ее материалы, ссылки на которые даны в настоящем издании, заслуживают безоговорочного доверия, внимания и изучения.

Невозможно также переоценить коллективные усилия по поиску истины участников интернет-сообщества «Людвиг II Баварский Виттельсбах»: (<https://vk.com/ludwig2nd>), в свою очередь оказавших содействие при подготовке данной книги.

Низкий поклон и благодарность!

Часть
первая

НОВОЛУНИЕ

август 1845 года — февраль 1864 года

*Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличный маркизов.
И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежат вам по наследью.
Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?!*

Н. Гумилев. Маркиз де Карабас. 1910 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru